

Алин Владимир Васильевич

Расшифровка аудиозаписи интервью от 24 ноября 2023 г.

Записал В. Ханевич.

Расшифровку сделала Е. Белова (23.12.2023)

— Меня зовут Владимир Васильевич Алин. Мой папа Алин Василий Фёдорович.

— *Корни ваши?*

— Наши корни — деревня Каштаково Зырянского района, на Чулыме. Там село было большое, 800 дворов или 800 жителей. Папа говорил, 300 дворов, но в каждом доме жила семья, до 10-ти более человек. Потому что работали они — сеяли зерновые, рожь, пшеницу. То есть, этим и жили. И ещё там на реке, на Чулыме, значит, рыболовство, собирательство, ягоды, орехи и прочее.

— *А сами они из челдонов?*

— Они, наверное, пришлые, но это где-то 19 век, может быть, середина, может быть, столыпинские вот эти времена.

— *То есть, вы точно не знаете?*

— Я точно не знаю. А редкая фамилия, она очень редко встречается. А где-то, если встречается, всё замыкается на Каштаково. В Одноклассниках уже многие по России сейчас рассеялись, но редкая, почему-то красивая фамилия, редкая...

В 30-м году, в марте, началась чистка, раскулачивание. И у нас дедушка мой, значит, Фёдор, Мария — бабушка, жили все в одном доме. Пока ещё недавно мой папа женился на Алиной Анисии Егоровне. Ей было 16 лет во время свадьбы. В 30-е годы они, по-моему, в 1927 году поженились. Ей на момент ареста, раскулачивания, было 18 с небольшим лет. У них был ребёнок, мой брат, Ваня.

Ну вот, я примерно рассказал коротко, что это представлялось.

— Ну, давайте, скажите о том, что начало 30-х годов — это коллективизация, раскулачивание, а 1937–1938 год — период репрессий. И семью Алиных это коснулось, как первого периода, так и второго периода.

— Здесь вся эта советская власть оставила следы нашей семье, в деревне Каштаково, очень сильный большой след...

И здесь исторически это тянется после революции, ещё тогда, когда белогвардейцы отступали по Чулыму, потому что там уже железная дорога была пресечена, уже занята красными, и отступавшие белогвардейцы, им нужны были и лошади для обоза, и они с оружием шли, и им нужны были, так сказать, кучера или проводники по местности. Ну, и они деда моего тоже мобилизовали, и они дошли до Тегульдета, и дальше там, где уже на юг Чулым пошёл... Ну, они поняли, что даже если они в Ачинск зайдут, то их там уже никто не ждёт, белогвардейцев. И там они самораспускаться начали, и потом жестокость была проявлена при мобилизации белогвардейцами.

По рассказам дедушки, там даже был такой случай, они во дворе мобилизовали мужчину, я не помню какое село, но от Каштакова, они двигались на восток по Чулыму... И выскочила жена с ребенком на руках, просто она держалась за своего мужа, упала, за сапоги держалась его, волокли, и поднялась, просила оставить, потому что там еще трое детей было, и офицер достал шашку и рассёк эту женщину просто сверху вниз.

Такой страшный случай, но это, наверное, было, видимо, мой дедушка был все-таки свидетелем, и это от него рассказ пришел.

Ну и распустились. И они вернулись с товарищем. Ну, насильно, в принципе, это все происходило [мобилизация], не то, что там бежали добровольно... Да, и они вернулись...

Советская власть потом его репрессировала, он, значит, был в заключении в Новосибирской области.

— То есть, за то, что он воевал, якобы, в Колчаковской армии?

— Ну, да, за то, что он там полтора месяца был мобилизован, ну, как там и белогвардейцы...

— Он был арестован и осужден — на сколько?

— Я точно не знаю, но несколько лет был в... сибирское село, в Новосибирской области... Если вы вспомните, я вот сейчас, память сейчас подводит, оно исторически очень давно это село было, юг Новосибирской области.

Ну, это я могу вспомнить и потом как-то вам, материалы это я все равно перешлю — по моей маме, по моим родственникам, и как это было, как происходило, я расскажу, могу наговорить на диктофон весь процесс.

И потом я нашел в интернете, значит, данные по Тегульдетскому району, это еще было, может быть, восемь лет назад или раньше, когда еще не было, может, цензуры.

Я не знаю, сохранились эти данные, нет, но там написано, что в 1929 году Тегульдетский район насчитывал 2 000 жителей в разных небольших деревеньках по Чулыму.

Там и *ясашные* (?) были, это местные остяки или как их, вот, национальность — «чулымцы», теперь их называют, вымирающая нация... И все вместе — 2 000, а в тридцатом году — это цифры, я читал, не сам придумал — было уже 30 000, тридцать тысяч человек!

И вот, значит, баржами возили...

Но я коротенько очень, я могу и подробно потом...

— Но вы, давайте, о том, что вы помните, то, что у вас осталось в памяти... Раскулачивали Алиных, высылали их с места или оставляли на месте?

— Нет, нет, нет. Сибирь — это место ссылки, а они тут же в Сибири, в разных местах. Семен **Алин**, **Семен Матвеевич**, это брат моего дедушки, Семен Матвеевич Алин, они — в Красный Яр на Оби, в Верховье Оби, это Красный Яр, деревня, село Большое.

И вот они там были, всей семьей. И вот, по данным Мемориала, я в основном оттуда все скачал, сохранил... Там семья большая тоже была, и они так и жили до конца там.

Он умер тоже по старости, они еще в XIX веке родились, а может быть в начало XX, а мой дедушка, 1897 года рождения, **Алин Егор Матвеевич**, он тоже там присутствует, он и сидел до этого.

И Алиных — столько много они арестовали, что из всех тысяч, вот тех, которые единственный приговор, **Алин Егор Матвеевич помилован**, ну вроде как помилован написано, и он вернулся домой.

То есть, они столько натерпелись, и столько было репрессировано, что одного они как бы, видите, не только *насажали*.

Стариков — расстреливали, деда моего по папиной линии, и брата этого Егора Матвеевича, уже маминого отца, расстреляли 13 июня, на Каштакском овраге, *1930 года*. То есть, они в марте были арестованы, сосланы в Томск.

Стариков вот расстреляли, но у них разрядка была, как мы знаем, это же не секрет, разрядка на расстрелы, на это, на то...

Молодых, вот папка молодой был, 21 год, его — на шахты, он 7 лет, до 1937 года, а потом его, значит, уже освободили, потому что потребовались места.

— *То есть, у него — так называемая, труд. армия была, или лагерь?*

— В лагерь, он заключенный был, а труд. армия была в войну, его не взяли, так как он — враг народа, кулак. И он в Новосибирске строил завод, Чкалово, авиазавод, и дядя Дonya тут же ходил на этот завод, там, в книге [«Мало слов, а горя реченька»](#), вы это читали, наверное, знаете, он тоже там был.

Меня потрясло, что гнали колонну заключенных, и уже был октябрь конец, и лужи эти замороженные, уже зеркало было, их можно было обойти, вот эти погонщики, или, как их, конвоиры... Еще можно было сказать, возьмите там левее, возьмите правее, обойти лужи как-то, а они гнали прямо по этим лужам, потому что это враги, их же не [надо] жалеть, война, каждый человек на счету,

они строили, они там котлованы рыли все... И как они потом весь день мокрые, приходили, половина болели и умирали.

И голод был, папа там работал уже как в трудармии, не как заключенный, и там, он рассказывал, кушать было нечего, был настоящий голод.

Значит, мужики кипятили чай, подсаливали, и как бульончик — самообман был, они это ели — мало, еще желудок просил, и потом у них — водянка, отказывали почки, и они уже и умирали... А папа был умный, он умирал просто от голода.

Его спасла мама, там родственница была, сестра мамы в Новосибирске жила, она тоже там, можно было общаться с ним, он в госпитале уже лежал. И она письмо написала, и мама прорвалась во время войны, в 41-й год, прорвалась, и на поезде там, и вообще она неделями ехала до Новосибирска и везла какие-то продукты.

Она рассказала, там растаскивали их эти голодные подростки на вокзале, и она с подругой, а у подруги в Новосибирске муж лежал в госпитале, и они, как бы вот, [говорили,] что в госпиталь, раненный боец... Им начальник станции [документ] выписал, они доехали, и она спасла его, она спасла, продуктами как-то откормила...

И дядя Доня лежал тоже в госпитале, и это тетя Стеша, дядя Доню тоже подкармливала яблоками... Но он этих яблок не видел, он писал в книге, там охранники это все...

Ну, неважно, но вот такая информация, а еще очень важно, чтобы вы с первых рук могли сказать... Ой, я маму записывал, раньше магнитофон был, записывал часа полтора, а потом как-то вот эта власть, все, у меня дети, внуки пошли, и я где-то, наверное, в 80-м году... Ну, я просто это стер, тогда еще был страх, я жалею, но многое я запомнил...

(Я коротенько, у меня сестры там ждут где-то, смотрят, они внимательно смотрят, хотя младшая сестра, она не очень это воспринимает, очень близко к сердцу...)

Значит, везли на пароходе, на барже, в трюме там, какие-то нары, наверх выходили только качать, откачивать воду, там по колено воды...

Приехали в Тегульдэт, на левый берег Чулыма, там речки таежные, значит, выгрузили, гора чемоданов уже была, узлов взяли с собой, необходимые зимнюю одежду и какие-то, скарб какой-то, да, инструмент там, топор, лопаты, ножи... И вот все выгрузили и сказали, — Идите пешком, — в летнем, в июле [это было], — А это все доставим, это все доставим, привезут вам!..

И люди шли сто километров до Чичкаила, напрямую-то — 68, или сколько, а по лежневкам-то, там горные речки вот так перебрадили, на руках дети, у мамы сын годовалый, у бабушки тоже... Ну, «старика»-то в 45 лет расстреляли, дедушку моего, потому что он уже куда, он же старик глубокий, ребенку полтора года...

И там еще тетя Валя, тетя Зоя, младшая... Тете Вале было 5 лет, тетя Зоя была 10 лет, дядя Гоша тоже... Дядя Доня пишет, что он потом еще и враг народа, и в тюрьме, и туда-сюда, и по чухотке его комиссовали умирать, его бабушка моя отходила, с овоще-мяса и прочее...

И вот, значит: тетя Валя, тетя Зоя, дядя Гоша 11 лет, и вот все они сто километров брели неделю... Комар, гнус, есть нечего, и вот они пришли на Чичкаил, по карте знаете, и там, значит, рыли.

Я потом видел фотографии Берегаева, я из Берегаева, леспромхоз, потом мы жили, мы в Томске жили, да, переехали, звали сестры, Берегаева леспромхоз, значит... Там тоже, в Берегаево, очень много лагерей было, Красный, Черный этот, Красный Яр, и там вот эти могилы... Поклонный крест поставили, и видно провалившиеся [могилы], где-то 3 метра длиной и 2 метра шириной, и все завалилось, конечно...

Перекрывали и все, и зимовали в летнем.

А отдавали килограмм муки, уже с плесенью, на человека на месяц, ну, бабушка местная, там украинцев было — тысячи, я не знаю точно, но, может, две тысячи.

И, [когда] зимой умирали, в ложок стаскивались, штабелями складывали... Детей, там, детей очень много умерло, и там действительно это от дизентерии, ну, бабушка, она местная, она вот — троелистник болотный, там, от дизентерии, от всего, какие травы и прочее... Она как бы спасла нас всех, только мой брат... А, у нее зять работал в НКВД...

Ну, еще до всех этих историй, работать-то негде там было, НКВД, вот, вроде охранником, как милиция, а потом-то это все началось, люди же местные, свои же, и, значит, вот, зять этот, а тетя Оля, ее жена была, ее не репрессировали, жена этого НКВД-шника, и он обещал, что, когда стихнет, отчетность была, все, ну, нельзя было ничего сделать, через год... На следующее лето он приехал и забрал всю семью, а мама убежала.

Мама убежала, значит, в середине, в начале мая. Ну, она-то это знала, в апреле — плюс тридцать.

— *А как фамилия этого НКВД-шника была? Не помните?*

— Ну как, Гусев. У меня родословная схема, сто шесть человек, там все связи и все, блин, ну, память уже, блин, такие простые вещи... Мой брат, Гусев Иван... Ну, я могу всю эту информацию...

— *Он был рядовой НКВД-шник?*

— Нет, он в конце уже Берегаевский лагерь был, а потом в войну его распустили, в смысле, расконвоировали, потому что надо было кто куда побежит-то, война идет, тут же схватят и на фронт этих зэков, и они уже [были] вольно наемные... Он был начальником комендатуры уже Берегаевского леспромхоза в конце тридцатых годов, и в начале сороковых, в войну. Ну, вот так заклинило, ладно...

Я, в принципе, вот мы с вами сейчас беседуем, да, я могу подробную информацию наговорить, и фотографии, и все, и мама говорит, что там уже и некому бежать-то было, к весне... А в 31-м году — опять пополнение.

Так я его называю — лагерь смерти. Потому что в летней одежде, без еды, без провизии, ну, бабушка-то, она местная, они орех там, падалки набрали,

весной еще шишки лежали, ходили, они там могли ходить, конвоя не было, изгороди, вот это место такое было — смерти...

Ну, вы знаете деревня Палочка, Назинская трагедия и прочее, там место истребления было, просто так, честно сказать.

— *Скажите, вы с Даниилом Егоровичем Алиным были лично знакомы?*

— Ну, конечно, дядя Доня, в пятьдесят седьмом году... Он же пришел в пятьдесят шестом, по-моему, пришел, он в Томск, а тут родни полно, и они гуляли тут два месяца, и они женили его, хорошая очень жена, душевная, и дети сейчас есть там. Коля умер, сын его старший, сейчас башка забита, я уже свою сестру не могу вспомнить, да... Но мы бываем там, по приезду, приезжаем все... Но сейчас зима, сейчас — ни то, ни се... Да, общаюсь я со всеми, и дядя Доня, значит, они приехали где-то к марту близко с женой, и все, но ему нельзя было в Томске жить, у него же профессия... он уже был тракторист, и все...

Он обосновался в Асино, и в Асино он так жил до последнего, там и могила его, и жена тоже там же умерла, и у меня есть какая-то информация последняя, ну, если что-то интересуется, да, конечно, фотографии уже и видеозаписи небольшие есть, он потом,... деменция уже...

— *Есть и видеозаписи, да?*

— Ну, конечно, там фильмы, у меня вообще-то есть 300 фильмов часовых, документальные, кино — семейное, кинохроника и фотохроника, и я вообще-то профессионально этим занимался, потому что хотел поступать во ВГИК, изучал все: и историю советского кино, и Эйзенштейна, и технику операторскую, и прочее... Ну, так получилось, да...

— *Ну, нам тогда послал вас Всевышний...*

— Значит, вот адрес у меня есть, я могу наговорить, и более подробно рассказать.

— *Спасибо большое, спасибо большое.*

[Конец]